

— Куда там девяти векам совершенствования против полутора тысяч... — негромко пробормотала Лин Хун.

Бай Юйтан перевел взгляд на сражающихся женщин. Седые волосы Ху Цзи порядком растрепались, но и ее противнице в охристом наряде бой дался нелегко. Разница в шестьсот лет обычно не оставляла шансов на иной исход, и то, что беловолосая дева держалась так стойко, уже граничило с чудом.

Широкие охристые рукава мелькнули в воздухе. Долгая схватка истощила силы даже лисы-демона, и хотя она превосходила соперницу в мастерстве, та была рождена белой лисой — а это давало врожденное преимущество в самосовершенствовании. Одолеть её никак не получалось.

Окутанная ядовитым зеленым маревом, она в яростном выпаде едва не коснулась седых волос. Уловив момент, фигура в охристом резко отпрянула, обернулась рыжей лисой и мгновенно скрылась в густых пригородных зарослях.

Ху Цзи прищурилась, провожая взглядом исчезающую тень. Тяжело вздохнув, она коснулась щеки, которую едва не задела ядовитая лапа — в то же мгновение она восстановила безупречно белую кожу. Лишь несколько серебристых прядей, срезанных врагом, бесшумно упали на землю; их было уже не вернуть.

Дева обернулась. На ее лице еще читалось раздражение — она явно собиралась отчитать тех, кто втянул ее в это, — но стоило ей увидеть человека в синих одеждах, как она просияла радостью.

Ее одежды взметнулись в изящном пируэте, и Ху Цзи замерла перед Чжань Чжао. Почтительно сложив ладони, она произнесла с нескрываемым волнением:

— Благодетель, прошло пять лет. Я знаю, вы наверняка не помните Ху Цзи, но я молю вас: дайте мне шанс отплатить за вашу доброту...

Чжань Чжао удивленно моргнул. Он долго и внимательно разглядывал девушку, прежде чем неуверенно ответить:

— Кажется... лицо и впрямь знакомое.

Бай Юйтан, стоявший поодаль, почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. С каких это пор «кошка» так легко и непринужденно беседует с девицами?

Чжань Чжао никогда не заглядывал в веселые кварталы, и Бай Юйтан всегда списывал это на его природную застенчивость и неумение общаться с женщинами. Пятый Господин Бай и сам чувствовал, что в этой теории что-то не так, но старался не брать в голову. Однако сейчас,

видя, как Чжань Чжао ведет беседу, он вспомнил: несколько лет назад, когда семья Дин заговорила о помолвке, Чжань хоть и держался подчеркнуто вежливо, никакой робости не проявлял.

Вероятно, дело было вовсе не в застенчивости. Просто в присутствии дам он строго следовал правилам приличия, не позволяя себе лишнего.

— Сяо Цзю, когда это ты успел познакомиться с такой лисой-красавицей? Что-то я не слышала об этом раньше, — Лин Хун по-хозяйски оперлась локтем о плечо девятого младшего брата. Тот был худощав, но плечо его казалось надежной опорой.

— Дай-ка подумать... — Чжань Чжао и вправду погрузился в размышления.

Видя его замешательство, Ху Цзи — обычно холодная и неприступная — вдруг негромко рассмеялась:

— Благодетель остался верен себе. Пять лет назад вы спасли меня у подножия гор Чжуннань. Я тогда проходила через Девять небесных громов. После удара небесного грома во мне едва теплилась жизнь. Вокруг не было ни души, и если бы вы не прошли мимо, я бы точно погибла...

Горы Чжуннань... Чжань Чжао наконец вспомнил.

— Точно. Кажется, это было сразу после того, как я закончил обучение. Учитель отправил меня на Чжуннань за мечом Цзюйцюэ...

Действительно, тогда он подобрал в горах маленького белого лисенка. Выросший на Горе Фулу, Чжань Чжао прекрасно понимал, что перед ним оборотень, переживший бедствие, но для него в этом не было ничего сверхъестественного. В своей жизни он повидал столько призраков и демонов, что и сосчитать трудно. А потому он просто сделал то, что должен был: перевязал раны, дал лекарство и два месяца держал лисичку при себе, пока та не окрепла, после чего отпустил обратно в лес.

Он и подумать не мог, что тот зверёк сохранит в сердце образ кроткого юноши. Одна жизнь — один долг чести.

Лин Хун улыбнулась своей обычной ленивой улыбкой:

— Вот и славно. У тебя за плечами девятьсот лет пути, Ху Цзи, а лисье совершенствование — штука тонкая. Присмотри за ним. Когда он берется за дело, то совершенно перестает беречь себя, а ведь он еще так молод...

Она легонько ущипнула Чжань Чжао за щеку и довольно добавила:

— Надо же, какая кожа гладкая...

Ху Цзи склонила голову, внимательно изучив Сестру Хун, и решительно кивнула:

— Ху Цзи клянется защищать благодетеля.

Слова прозвучали твердо, как священный обет.

Бай Юйтану становилось всё горше. Эта троица обсуждала вещи, в которых он ничего не смыслил. Ладно еще две женщины, но то, что и Чжань Чжао был частью этого таинственного мира, вызывало у него жгучее желание взорваться.

Он уже готов был дать волю гневу, но в этот миг Чжань Чжао обернулся и мягко улыбнулся:

— Брат Бай...

Вся ярость мгновенно испарилась.

Бай Юйтан в очередной раз поймал себя на мысли, что совершенно потерял хватку. Он мог преодолеть любые ловушки и стрелы Чуньсяо-лоу, но был абсолютно безоружен перед случайной улыбкой этой «кошки». Точно сглазили, не иначе.

Тряхнув головой, он всё же подошел к Чжань Чжао.

— Кот, когда ты собираешься возвращаться в Кайфэн-фу?

Бай Юйтан смотрел на него не мигая, с привычным высокомерием в глазах, за которым, если приглядеться, прятались тоска и неприкаянность.

«Не виделись всего несколько дней, а я уже не нахожу себе места. Столько слов рвется наружу, но нельзя... еще не время...»

Услышав вопрос Бая, Чжань Чжао почувствовал неловкость. Раз Ху Цзи решила отплатить за доброту, она наверняка последует за ним. Его собратья по школе — люди разумные, они бы не стали чинить ей препятствий, но вот как быть с остальными...

— Раз Ху Цзи теперь с тобой, Сяо Цзю, тебе нельзя возвращаться в дом старшего брата. Лучше вези ее сразу в Кайфэн-фу. Я сама поговорю со вторым братом и четвертой сестрой. Только помни: через семь дней — праздник в честь рождения ребенка, и тебе нельзя опаздывать, — Лин Хун проявила редкую рассудительность. — К тому же, я давно хотела выселить Четвертую старшую сестру из своей комнаты, вот и повод нашелся...

— Тогда... прошу прощения за беспокойство, Седьмая старшая сестра.

На душе у Бай Юйтана полегчало. Наконец-то он увозит этого маленького кота Чжания домой. Раньше, когда они виделись каждый день, он этого не ценил, но стоило разлучиться на несколько суток, как в сердце образовалась пустота, будто вырвали кусок плоти. Теперь же всё встало на свои места.

— Ху Цзи, та лисица... это она убивала людей, вырывая сердца? — Чжань Чжао наконец перешел к делу.

— Скорее всего. По приказу старейшин я выслеживала ту, кто крадет сердца. Я шла по ее следу долго, но, встретив благодетеля несколько дней назад, немного замешкалась. А сегодня обнаружила, что за это время она обрела тысячелетнюю мощь...

Ху Цзи замолчала, лишь беззвучно шевеля губами, но Чжань Чжао и так всё понял.

— Обычно лисы-демоны задумываются о краже сердец только после того, как переживут Грозовую кару. Но если у неё уже тысяча лет за плечами, она наверняка прошла через девять Грозных кар. Зачем ей сердца? — рассуждал Чжань Чжао, пока они вместе с Ху Цзи и Бай Юйтаном направлялись в сторону Кайфэн-фу.

— На самом деле, мужские сердца для оборотней — лучший способ сохранить или вернуть красоту. Хотя к такому прибегают редко... — Ху Цзи помрачнела, нахмурившись. — Если оборотень теряет облик, мужское сердце помогает восстановить его быстрее всего. Обычный путь — двадцать лет принимать по кусочку столетнего женьшеня каждый день, но это слишком долго.

— Если так...

— Если так, благодетель, вам нужно быть вдвойне осторожным. Лучшая «затравка» для такого колдовства — сердце мужчины с телом, склонным к энергии Инь. А такие люди встречаются редко. Но беда в том, что именно вы...

При этих словах Ху Цзи Бай Юйтан почувствовал, как его сердце болезненно сжалось.

<http://bllate.org/book/17406/1657617>